УДК 930(94(47).084.6)

**Н. Г. Кедров**

# Сталинская историографическая модель осмысления коллективизации российского крестьянства[1]

В 1990-х гг. российские историки-аграрники оказались вовлечены в общий поток исследований, связанных с переосмыслением советского периода истории нашей страны. Свобода слова, архивная революция, возможность полноценного сотрудничества с коллегами из-за рубежа, казалось бы, не могли не привести к полной концептуальной ревизии наследия советской историографии коллективизации крестьянства, темы важнейшей для понимания всей советской истории и потому имеющей слегка сакральный оттенок для эпигонов сталинизма. В ходе широкой общественной дискуссии на рубеже 1980–1990-х гг. силы ревнителей чистоты «единственно правильного учения» были идейно разбиты, и победила точка зрения тех историков, которые уже давно и плодотворно занимались изучением истории «великого перелома», но в силу табуированности этой темы не могли ранее рассказать всей правды о нем[2]. Смена вех действительно произошла. Но при этом изменились главным образом оценки описываемых реалий. Внутренняя рубрикация темы, основное направление исследовательского внимания, методология оставались прежними. Произошло не столько переосмысление темы, сколько ремаркировка прежних сюжетов. Более того, в ряде случаев наблюдалось неосознанное

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-01250.

[2] *Мерль Ш.* Взгляд с Запада на советскую историографию коллективизации сельского хозяйства // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 373–387.

возвращение к концептуальным и методологическим подходам, заложенным еще сталинской историографией вопроса. Для того чтобы понять основной вектор историографического движения, необходимо рассмотреть историографию коллективизации, не так, как это нередко встречается в современных работах — путем восторженного перечисления авторов и тематики их исследований, а с точки зрения появления и смены исследовательских программ, определявших проблематику и рубрикацию конкретных исследований на определенном этапе.

В силу особенностей существовавшего в 1930-х — первой половине 1950-х гг. в стране политического режима вполне понятно, почему автором первой программы, можно даже сказать, первым крупным отечественным историком коллективизации стал сам И. В. Сталин. Его концепция коллективизации вытекала непосредственно из многочисленных практических обращений к теме, которые он делал по ходу протекания самого процесса в своих речах, статьях, отчетных докладах на съездах ВКП(б). В целом можно выделить три группы таких вопросов, на которых останавливалось внимание «вождя»: 1) хлебозаготовительный кризис 1927/28 г. и дискуссия в партии о путях дальнейшего строительства социализма в СССР[3]; 2) непосредственное осуществление «революции сверху», включая «ликвидацию кулачества как класса»[4]; 3) борьба за организационно-хозяйственное укрепление колхозов и победу колхозного строя[5]. Впоследствии эти отдельные обращения к теме были обобщены и из-

[3] *Сталин И. В.* 1) О хлебозаготовках и перспективах развития сельского хозяйства (Из выступлений в различных регионах Сибири в январе 1928 г.) // Сталин И. В. Сочинения. М., 1949. Т. 11. С. 1–9; 2) Первые итоги заготовительной кампании и дальнейшие задачи партии. Ко всем организациям ВКП(б) // Там же. С. 10–19; 3) О работе апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК. Доклад на собрании актива московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. // Там же. С. 38–53; 4) На хлебном фронте. Из беседы со студентами Института красной профессуры, Комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 г. // Там же. С. 81–97; 5) Членам Политбюро ЦК. Ответ Фрумкину (по поводу письма Фрумкина от 15 июня 1928 г.) // Там же. С. 116–126; 6) Об индустриализации и хлебной проблеме. Речь 9 июля 1928 г. // Там же. С. 157–188; 7) Об итогах июльского пленума ВКП(б). Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 13 июля 1928 г. // Там же. С. 204–215; 8) Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК 19 декабря 1928 г. // Там же. С. 246–290; 9) О правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. // Там же. С. 27–95.

[4] *Сталин И. В.* 1) Год великого перелома. К XII годовщине Октября // Сталин И. В. Сочинения. М., 1949. Т. 12. С. 118–135; 2) К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Там же. С. 141–172; 3) К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса // Там же. С. 178–183; 4) Головокружение от успехов. К вопросам колхозного строительства // Там же. С. 191–199; 5) Ответ товарищам колхозникам // Там же. С. 202–228; 6) Политический отчет Центрального комитета ВКП(б) XVI съезду ВКП(б). 27 июня 1930 г. // Там же. С. 274–290.

[5] *Сталин И. В.* 1) Итоги первой пятилетки. Доклад 7 января 1933 г. // Сталин И. В. Сочинения. М., 1953. Т. 13. С. 188–196; 2) О работе в деревне. Речь 11 января 1933 г. // Там же. С. 216–233; 3) Речь на первом всесоюзном съезде колхозников-ударников

ложены в качестве единой концепции в «Кратком курсе истории ВКП(б)»[6], обретшем в советской исторической науке того времени статус «священного писания» и тем самым ставшем программой для всех историков, занимавшихся историей коллективизации вплоть до смерти «вождя» в 1953 г. Исторические работы Б. Абрамова, Г. Овсянникова, Н. Смирнова, М. Краева и других авторов этого периода не выходили за рамки концепции «Краткого курса» и по сути сводились к иллюстрированию ее отдельными примерами[7].

Поскольку, как уже было сказано, обращение Сталина к характеристике событий коллективизации вытекало не из научных, а практических мотивов, тех целей, которые он пытался реализовать в конкретных условиях, и было опосредовано задачами государственной аграрной политики, то история деревни рубежа 1920-х — 1930-х гг. в сталинском ви́дении превратилась в череду политических кампаний, осуществляемых партией по отношению к крестьянству. В силу этого обстоятельства сталинской модели осмысления событий присущ субъектный характер. Разумеется, не следует вкладывать в данную характеристику некую моральную и профессиональную оценку. «Субъектный» не означает «субъективный» и соответственно не предполагает ни малейшего намека на рассмотрение сталинских оценок по шкале соответствия их реалиям. В данном случае субъектный характер изложения материала предполагает лишь то, что исторические процессы в этой эпистемологической модели описывались не как самодетерминированная реальность, а посредством изложения действий абстрактного исторического персонажа — Коммунистической партии. За этим условным актором можно увидеть и другую, более конкретную фигуру — самого «вождя». Конечно, товарищ Сталин как всегда поскромничал. Но ведь именно его воля во многом определяла «генеральную линию», особенно если учесть известный вывод О. В. Хлевнюка о том, что в 1930-х гг. ни одно принципиальное политическое решение относительно судеб страны не было принято без участия Сталина[8]. А поскольку в любом случае партия является частью политической организации общества, то и история коллективизации в силу изначальных установок приобрела социально-политический характер. С тех пор и до сего дня она изучается преимущественно посредствам анализа политики режима.

Разумеется, в сталинской метафизике партия добивалась осуществления своих целей исключительно в борьбе. К слову, борьба вообще стала центральной

19 февраля 1933 г. // Там же. С. 236–256; 4) Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. // Там же. С. 317–340.

[6] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938.

[7] *Овсяников Г.* Московские большевики в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934 гг.). М., 1949; *Смирнов М.* С. Борьба партии Ленина–Сталина за подготовку массового колхозного движения. М., 1952; *Абрамов Б.* Партия большевиков — организатор борьбы за ликвидацию кулачества как класса. М., 1952; *Краев М. А.* Победа колхозного строя в СССР. М., 1954.

[8] *Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.

категорией «Краткого курса». В ней заключалось своеобразное оправдание издержек и затрат, понесенных страной на пути «построения социализма в СССР». Борьба же подчеркивала значимость достижений политики режима. При этом, по логике сталинского мышления, чем выше был градус борьбы, тем более существенным становилось торжество партии, сумевшей уничтожить стоявшие на ее пути преграды. Борьба в конечном итоге высвечивала мессианское предназначение большевиков в мировом историческом процессе и в таком ключе выступала неотъемлемой составляющей их корпоративной идентичности.

Реальным воплощением преград на пути к социализму сталинские тексты называли многочисленных врагов: от «акул мирового империализма» до спекулянтов и разгильдяев. Применительно к деревне врагами партии были, разумеется, кулаки. Борьба с кулачеством в сталинской концепции коллективизации стала квинтэссенцией всего процесса. Прямые отсылки к ней можно легко обнаружить при характеристике Сталиным не только событий «великого перелома», но и всех этапов «социалистического преобразования сельского хозяйства». Так, именно Сталин, еще в ходе своей поездки в Сибирь, назвал кулаков главными виновниками хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г.[9] Такая оценка вызвала резонные возражения среди части партийной элиты. Доказывая, что развернувшаяся после этого дискуссия не является результатом личных разногласий, а отражает классовую борьбу в СССР, Сталин упрекнул Н. И. Бухарина и его сторонников в том, что они поддались влиянию «мелкобуржуазной стихии», а их предложения носят по сути буржуазно-либеральный характер[10]. Позже в «Кратком курсе» он и вовсе назвал своих противников по партии выразителями политической воли кулачества. «Кулацкая душа бухаринско-рыковской группы не выдержала, и сторонники этой группы стали выступать уже открыто в защиту кулачества», — говорилось по этому поводу в знаменитом учебнике[11]. Именно Сталин на конференции аграрников-марксистов провозгласил переход партии к политике «ликвидации кулачества как класса», ставшей основой раскулачивания, одного из главных и наиболее дей-

[9] *Сталин И. В.* О хлебозаготовках... С. 2–4. В. А. Ильиных отмечал, что в ходе своего визита в Сибирь Сталин фактически обманул руководителей Сибкрайкома ВКП(б), уверив их в том, что жесткие репрессивные меры по отношению к несдатчикам зерна уже вовсю применяются на Северном Кавказе и ЦЧО (См. *Ильиных В. А.* Хроники хлебного фронта. Хлебозаготовительные кампании 1920-х гг. в Сибири. М., 2010. С. 134). Следует думать, что в оценке генсеком причин хлебозаготовительного кризиса также присутствовала доля коварства. Судя по другим публичным выступлениям этого периода, Сталин был неплохо осведомлен о том, что основным держателем товарного хлеба в деревне было среднее крестьянство (*Сталин И. В.* 1) Первые итоги заготовительной кампании... С. 12; 2) На хлебном фронте... С. 86), однако продолжал отстаивать в партийных дискуссиях мысль об организующей роли кулака в провале хлебозаготовительной кампании осенью 1927 г.

[10] *Сталин И. В.* О правом уклоне в ВКП(б)... С. 45, 89.

[11] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 280.

ственных рычагов всего процесса массовой коллективизации[12]. Даже в уже коллективизированной деревне, когда, по меткому наблюдению В. А. Ильиных «выявление кулаков всё более превращается в поиск в темной комнате давно там уже отсутствующей черной кошки»[13], Сталин отыскал кулаков, спрятавшихся в колхозах и ведущих борьбу с советской властью «тихой сапой». Эта мысль стала одной из главных идей «вождя» в речи «О работе в деревне», озвученной на пленуме ЦК в январе 1933 г. «Ищут классового врага вне колхозов, — утверждал генсек — ищут его в виде людей с зверской физиономией, с громадными зубами, с толстой шеей, с обрезом в руках. Ищут кулака, каким мы знаем его из плакатов. Но таких кулаков давно уже нет на поверхности. Нынешние кулаки и подкулачники, нынешние антисоветские элементы в деревне — это большей частью люди “тихие”, “сладенькие”, почти “святые”. Их не нужно искать далеко от колхоза, они сидят в самом колхозе и занимают там должности кладовщиков, завхозов, счетоводов, секретарей и т.д. <...> Они “за” колхозы. Но они ведут в колхозах такую саботажническую и вредительскую работу, что колхозам от них не поздоровится»[14]. При этом Сталин назвал фантазией «нейтральные колхозы», поскольку, по его мнению, «колхозы могут быть либо большевистскими, либо антисоветскими». Такая трактовка всецело соответствовала сталинскому представлению о современном историческом процессе как столкновении двух антагонистических сил: капитализма и социализма. Коллективизация была частным, хотя имевшим решающее значение для утверждения социализма в СССР актом этого противостояния. В сталинской модели осмысления процесс коллективизации рассматривался как глобальный общественно-политический конфликт, участники которого, однако, упрощенно сводились к двум протистоящим друг другу сторонам.

История борьбы за коллективизацию, согласно Сталину, знала не только победы, но и некоторые неудачи, ошибки, которые партия, однако, смогла вовремя увидеть и также преодолеть. Лучше всего эта ситуация заметна в сюжете о борьбе с перегибами весной 1930 г., после выхода статьи «Головокружение от успехов». Как известно, знаменитая сталинская статья называла два главных искажения в деле колхозного строительства: 1) насаждение колхозов силовыми методами; 2) стремление местных работников создавать хозяйства с высокой степенью обобществления («попытки выскочить из рамок артели и перепрыгнуть сразу к сельскохозяйственной коммуне»)[15]. Немногим позже в «Ответе товарищам колхозникам» Сталин добавил еще одну ошибку — пренебрежение разнообразием региональных условий[16]. В «Кратком курсе» был представлен

[12] *Сталин И. В.* К вопросам аграрной политики в СССР... С. 166–169.

[13] Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. Новосибирск, 2000. С. 5.

[14] *Сталин И. В.* О работе в деревне... С. 229.

[15] *Сталин И. В.* Головокружение от успехов... С. 193–197.

[16] *Сталин И. В.* Ответ товарищам колхозникам... С. 207–209.

уже полный перечень из четырех видов «перегибов» (к трем уже названным «вождем» была добавлена замена разъяснительной работы чисто бюрократическим подходом)[17]. Важно подчеркнуть, что во всех названных случаях Сталин так и не прибег к своему излюбленному логическому ходу — списать все неудачи на деятельность классового врага, троцкистов и бухаринцев. «Перегибы» — это ошибки местных партийных работников. Такая трактовка ясно высвечивала контролируемость процесса коллективизации со стороны представителей высшего партийного руководства страны, всегда готовых вовремя одернуть и исправить товарищей на местах. Несмотря на то что, согласно современным исследованиям, социальное напряжение в деревне после публикации «Головокружения от успехов» только усилилось, Сталин признал успешной эту ревизию партийной политики[18]. Работа над ошибками местных партийцев применялась Сталиным и в других кризисных ситуациях. Например, подводя итоги хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г., Сталин в числе его причин, помимо противодействия хлебозаготовкам со стороны кулаков, назвал также конкуренцию между собой различных заготовительных организаций и «искривление» со стороны местных партийцев, «желающих жить в мире с кулаком» классовой политики партии[19]. А в январе 1933 г., когда деревня переживала страшный голод, обусловленный политикой хлебозаготовок, генсек назвал пять недостатков в работе деревенских коммунистов[20]. Разумеется, такого рода ревизии партийной политики, называя виновниками неудач местные кадры, прежде всего были нацелены на снятие ответственности с высшего политического руководства страны и лично Сталина. Вместе с тем они формировали характерное для сталинской концепции коллективизации представление о программируемом, управляемом характере исторического движения. Парадоксально, но такой под-

[17] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938.

[18] Любопытно, что историки 1990-х гг., при всем своем неприятии сталинских методов коллективизации, легко приняли логику «вождя» в этом вопросе. Разумеется, этот сюжет уже рассматривался в ином морально-оценочном поле. Борьба с перегибами была представлена как циничный маневр власти, осуществленный под влиянием массового крестьянского протеста с целью избежать еще больших социальных потрясений и дальнейшего осуществления прежней политической линии в отношении деревни. И. А. Кузнецов первым в новом ключе обратил внимание на хорошо известные отечественным историкам по изданию «Трагедия советской деревни» статистические данные сводок ОГПУ, показывающие, что основной пик протестной активности крестьян пришелся именно на март 1930 г., т.е. был зафиксирован уже после публикации «Головокружения от успехов» в «Правде» 2 марта. В отличие от большинства исследователей, видевших в этом нюансе инерцию предшествующего движения, историк объяснил ситуацию иначе. По его мнению, именно статья Сталина, имевшая широкое хождение и известный успех в крестьянской среде, стала своеобразной «санкцией» для борьбы с местными «перегибщиками», что, разумеется, не могло не вызвать всплеска социального напряжения. См.: *Кузнецов И. А.* Политическая культура крестьянства и политический режим в СССР в 1920–1930-е гг. // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века. Коломна, 2013. С. 482–484.

[19] *Сталин И. В.* Первые итоги заготовительной кампании... С. 12–13.

[20] *Сталин И. В.* О работе в деревне... С. 216–233.

ход не оставлял места марксистскому социально-экономическому детерминизму, обусловленности исторических явлений развитием средств производства, социальными отношениями. Коллективизация в этой системе взглядов была представлена как реформа власти, в механизме которой по ходу осуществления всегда можно было подкрутить нужный «винтик».

Сталинской концепции коллективизации было присуще и специфическое понимание ее итогов и исторического значения. Вопрос о хронологических границах нэпа вплоть до 1990-х гг. относился к числу дискуссионных проблем отечественной историографии. В ее основе лежат заявления самого Сталина о продолжении политики нэпа, которые он неоднократно делал в ходе борьбы с правой оппозицией[21]. Подход, рассматривающий 1920-е и 1930-е гг. как единый переходный период, встречается и в некоторых относительно современных работах[22]. Вместе с тем такая характеристика применительно к сталинской историографии справедлива лишь отчасти. Сталин, как известно, чрезвычайно высоко оценил коллективизацию. Еще в 1929 г. он назвал ее «великим переломом», т.е. крутым разрывом с прошлым. В частности, когда в газете «Красная звезда» появилась посвященная раскулачиванию статья, утверждавшая, что курс партии является продолжением прежней «политики ограничения кулачества как класса», Сталин нашел возможным выступить в печати с опровержением этого тезиса. «Нынешняя политика партии в деревне есть не **продолжение** старой политики, а **поворот**» (выделено И. В. Сталиным. — *Н. К.*) — писал генсек в «Правде»[23]. Конечно, в этом эпизоде легко увидеть частную характеристику одной из составляющих процесса коллективизации. Однако оценка, основанная на дисконтинуитете, затем репродуцировалась «вождем» во многих других официальных текстах. Разумеется, прежде всего она подчеркивала историческую роль самого Сталина, возводя его в число первозданных демиургов социализма. Любопытно, что в этом вопросе можно увидеть, возможно и ненамеренное, стремление «вождя» слегка потеснить Ленина в этом вновь формирующемся пантеоне. В своей речи «О правой опасности в ВКП(б)» Сталин, в частности, констатировал следующее: «Ленин говорит лишь о том, что нэп обеспечивает нам **возможность** построения фундамента социалистической экономики. Между **возможностью** построения и **действительным его построением** существует большая разница»[24] (выделено И. В. Сталиным. — *Н. К.*). Впоследствии, выступая перед делегатами XVII съезда ВКП(б), Сталин однозначно оценил итоги коллективизации: «Факты говорят, что мы уже построили фундамент социалистического общества и нам остается лишь увенчать его

[21] *Сталин И. В.* 1) Первые итоги заготовительной кампании... С. 15; 2) О работе апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК... С. 46.

[22] *Милосердов В. В., Милосердов К. В.* Аграрное развитие России — XX век. М., 2002.

[23] *Сталин И. В.* К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса... С. 183.

[24] *Сталин И. В.* О правой опасности в ВКП(б). Речь на пленуме МК и МКК ВКП(б) 19 октября 1928 г. // Сталин И. В. Сочинения. М., 1949. Т. 11. С. 229.

надстройками...»[25]. В «Кратком курсе» Сталин, назвав коллективизацию «революцией сверху», и вовсе приравнял ее историческое значение к Великому Октябрю. «Это был глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту 1917 года», — утверждал партийный учебник[26]. Из мифологии «Краткого курса» следовало, что Ленин, совершив Октябрьскую революцию? лишь открыл возможность для построения социализма, а Сталин, проведя коллективизацию, эту возможность действительно реализовал в Советском Союзе.

Таким образом, сталинская модель осмысления коллективизации конституировала скорее не континуитет, а напротив, революционный разрыв между периодами 1920-х и 1930-х гг., во всяком случае в жизни деревни. Вместе с тем подобного рода дискретность проецировала соответствующее отношение к двум обозначенным выше эпохам в истории села. Контрастное описание старого и нового «путей» в развитии деревни было особенно отчетливо представлено Сталиным в выступлении на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1933 г. В нём генсек подчеркивал жесточайшую эксплуатацию крестьянства со стороны «помещиков и капиталистов, кулаков и спекулянтов», архаичность агротехники и неэффективность аграрного производства, низкий уровень жизни и культуры крестьян как характерные черты жизни дореволюционной и нэповской деревни. Зато колхозный строй, по мнению «вождя», привел к уничтожению эксплуатации, росту механизации труда за счет насыщения деревни тракторами и сельхозмашинами, улучшениям в материальной и культурной сферах деревенской жизни[27]. Иными словами, история доколхозной деревни рисовалась как «темное царство» беспросветной нужды и угнетения, а жизнь после коллективизации — как «сбывшаяся мечта», ставшая реальностью благодаря веренице побед, одержанных партией на ниве «социалистического преобразования деревни». Такая трактовка, по сути, делала невозможным эволюционный анализ деревенской жизни по ряду объективных экономических и демографических показателей. Не случайно сам Сталин любил сравнивать данные о размере посевных площадей, валовых сборах зерна, поголовье скота с дореволюционными[28], а демографическая статистика, свидетельствующая о резком увеличении смертности сельского населения, и вовсе оказалась скрыта от общества на долгие годы.

Таковы основные характеристики сталинской модели осмысления коллективизации. Со смертью «вождя» ее история, однако, не закончилась. Несмотря

[25] *Сталин И. В.* Отчетный доклад XVII съезду партии... С. 325.

[26] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 291.

[27] *Сталин И. В.* Речь на первом всесоюзном съезде колхозников-ударников... С. 236–245.

[28] *Сталин И. В.* Отчетный доклад XVII съезду партии... С. 318–321; История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938.

на то что с середины 1950-х гг. начинается новый этап в развитии аграрной историографии советского периода, существовавшие ранее способы прочтения темы коллективизации повлияли на дальнейший процесс ее изучения. Новая исследовательская программа изучения «великого перелома», сложившаяся во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг., в своих изначальных интенциях была нацелена на преодоление субъектного, социально-политического способа изучения темы, характерного для сталинской парадигмы. Так, М. Ким и Г. Голиков, критикуя работы предшествующего периода, отмечали, что авторы «фиксировали внимание главным образом на политической истории, упуская из виду экономику, историю развития производительных сил и производственных отношений, не вскрывали действительной взаимосвязи между экономикой и политикой в ходе социалистического строительства. Это приводило к тому, что оставалась невыясненной объективная обусловленность исторических поворотов в развитии нашего общества...»[29] В критических заметках молодых историков-аграрников также присутствовала задача изучения экономических и социальных процессов развития советской деревни[30]. Однако эта установка на создание объективистской социально-детерминированной истории села так никогда в полной мере и не была реализована в советской историографии коллективизации. Новая официальная трактовка «великого перелома», оформленная работами С. П. Трапезникова, не предполагала полного переосмысления сложившихся к тому времени концептуальных и теоретических установок. Альтернативная же версия, присутствующая в трудах отдельных историков, сосредоточилась на критике некоторых наиболее острых вопросов, таких как создание материально-технических предпосылок коллективизации (В. П. Данилов), вопрос о хронологических границах нэпа (Ю. А. Мошков), «перегибы» в деле колхозного строительства (Н. И. Немаков), борьба с кулачеством (Н. А. Ивницкий), что, по сути, возвращало историографию к обсуждению всё тех же вопросов государственной аграрной политики. В 1969 г. по этому поводу высказался главный в стране эксперт. «В процессе колхозного строительства мы не избежали известных ошибок. Но это ошибки поиска, ошибки из-за отсутствия опыта. Партия смело вскрыла ошибки, открыто говорила о них народу и исправляла их. К сожалению, еще и по сей день находятся любители преувеличивать издержки в большом революционном деле» — заявил Л. И. Брежнев на Третьем всесоюзном съезде колхозников[31]. После этого возможности переосмысления темы оказались сужены до минимума и изучение коллективизации по сути превратилось

[29] *Ким М., Голиков Г.* Некоторые вопросы разработки истории советского общества // Коммунист. 1954. № 5. С. 50.

[30] *Данилов В. П., Висенс Х.* О некоторых недостатках в работах по истории массового колхозного движения в СССР // Вопросы истории. 1954. № 1. С. 137–145; *Селунская В. М.* О кандидатских диссертациях по истории коллективизации сельского хозяйства в СССР // Вопросы истории. 1956. № 11. С. 195–201.

[31] Третий всесоюзный съезд колхозников. 25–27 ноября 1969 года. Стенографический отчет. М., 1970. С. 21.

в протаскивание сквозь пелену официальных трактовок и цензурные препоны на свет научной общественности «квантов» достоверной информации.

Произошедшая в 1990-х гг. революция в аграрной историографии, как уже было сказано, прежде всего была революцией оценок. Вместе с тем она неожиданно обернулась неявной реставрацией характерных для сталинской парадигмы концептуальных подходов. История коллективизации, как и прежде, описывалась посредствам государственной аграрной политики. Только теперь основным действующим лицом вместо фигуры партии выступало сталинское государство. Более того, назвав коллективизацию волюнтаристским решением генсека, историки тем самым отказывались от поиска экономических и социальных предпосылок «великого перелома», характерных для советской историографии предшествующего этапа. Как и в сталинской модели, события рубежа 1920-х — 1930-х гг. в деревне рассматривались как двухсторонний общественно-политический конфликт, стороны которого при этом поменялись местами. Если, согласно Сталину, «кулацкий саботаж» заставил партию принять ответные репрессивные меры, то теперь в новой трактовке государственное насилие в отношении деревни вызвало закономерное сопротивление крестьянства. Управляемый, программируемый характер процесса коллективизации лучше всего проявился в теории альтернатив, в результате чего весь сталинский вариант «революции сверху» был признан ошибкой, повлекшей за собой долгосрочные негативные последствия. При характеристике итогов коллективизации плюсы были заменены на минусы.

Помимо этих общих характеристик отметим два не самых очевидных момента. Первый. Как известно, Сталин свою правоту в споре о судьбах СССР со своими идейными противниками в партии обосновывал необходимостью построения социализма. По мнению генсека, предложения как «левых», так и «правых» не могли привести к осуществлению этой задачи. Единственно правильный путь построения социализма, по мнению «вождя», и был в итоге осуществлен в Советском Союзе. Со временем Сталин стал приравнивать программы обеих оппозиций друг другу. Эта мысль звучала в его выступлении на ноябрьском пленуме 1928 г. «“Левые” уклонисты не только не левые без кавычек, они по сути дела те же правые уклонисты, с той, однако, разницей, что бессознательно прикрывают свою действительную природу “левыми” фразами», — указывал Сталин[32]. Такая позиция позволяла ему не только дискредитировать своих противников, но и снимала возможное обвинение в заимствовании элементов программы объединенной оппозиции, против которой он не так давно выступал, отстаивая нэп совместно с Н. И. Бухариным. Впоследствии, в «Кратком курсе» Сталин, однозначно ставя знак равенства между «правыми» и «левыми», фактически повторил смысл приведенной выше сентенции, добавив при этом, что и те, и другие выступали в поддержку кулачества[33]. Интересно, что логика этого спора была

[32] *Сталин И. В.* Об индустриализации страны... С. 285.

[33] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С. 280.

в полной мере воспроизведена в работах 1990-х гг. в рамках так называемой концепции альтернатив, ставшей одним из краеугольных камней новой историографической парадигмы. Бесспорный лидер в формировании исследовательской программы 1990-х гг., В. П. Данилов помимо постоянной отсылки к «бухаринской альтернативе» как реальной возможности построения «социализма с человеческим лицом» неоднократно подчеркивал различия позиции «левых» и Сталина, также оценивая программу первых как более предпочтительный вариант развития страны[34]. Тем самым отсылая читателя к анализу фактов из разряда теории вероятности, историк фактически констатировал, что «коллективизация по-сталински» представляла собой единственно неправильный путь преодоления индустриальной отсталости СССР.

И наконец, второй момент связан с темой голода 1932/33 г., ставшей одним из наиболее популярных сюжетов в аграрной историографии 1990-х — 2000-х гг. Казалось бы, вполне понятно, почему голод, замалчиваемый в советской историографии, привлек самое пристальное внимание исследователей, стремящихся закрыть это «белое пятно» истории. Подогревали интерес к теме и политические страсти. В частности, распространение в украинской историографии националистических концепций голодомора — голода как геноцида сталинским руководством украинцев, требовали своего рода опровержения с российской стороны. Однако подлинная причина исключительного внимания к теме, на наш взгляд, была иной. В. П. Данилов в своей ставшей программной статье «Коллективизация сельского хозяйства в СССР» охарактеризовал голод как «самое тяжелое преступление сталинского руководства против народа, против дела социализма»[35]. Сюжет о голоде единственный был выделен автором отдельным подзаголовкам среди всех остальных вопросов истории деревни 1930-х гг. В таком качестве он становился главным среди прочих негативных итогов коллективизации, важнейшим антидоказательством успешности «социалистического преобразования сельского хозяйства»

Таким образом, пафос восхваления, характерный для работ о коллективизации сталинского времени в 1990-х гг., сменился пафосом обличения, но при этом в обновленной историографии коллективизации на удивление прижились уже описанные выше концептуальные модели прочтения этой темы. Если мы внимательно присмотримся к сформировавшейся в 1990-х гг. парадигме коллективизации, то увидим зеркало, в котором с точностью до наоборот отразились старые и хорошо известные концепты.

[34] *Данилов В. П.* 20-е: нэп и борьба альтернатив // Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1988. С. 130; Р. Дэвис — В. Данилов: диалог историков // История СССР. 1990. № 2. С. 93; *Данилов В. П.* К проблеме альтернатив 20-х годов // Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 2. М., 2011. С. 724–733.

[35] *Данилов В. П.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 27. См. также статью: *Данилов В. П., Зеленин И. Е.* Организованный голод. К 70-летию крестьянской трагедии // Отечественная история. 2004. № 5. С. 97–111.

**References**

*Abramov B.* Partiâ bol'ševikov — organizator bor'by za likvidaciû kulačestva kak klassa. M., 1952.

*Danilov V.P.* 20-e: nèp i bor'ba al'ternativ // Istoriki sporât. Trinadcat' besed. M., 1988.

*Danilov V.P.* K probleme al'ternativ 20-h godov // Danilov V.P. Istoriâ krest'ânstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy. Čh. 2. M., 2011.

*Danilov V.P.* Kollektivizaciâ sel'skogo hozâjstva v SSSR // Istoriâ SSSR. 1990. № 5.

*Danilov V.P., Visens H.* O nekotoryh nedostatkah v rabotah po istorii massovogo kolhoznogo dviženiâ v SSSR // Voprosy istorii. 1954. № 1.

*Danilov V.P., Zelenin I.E.* Organizovannyj golod. K 70-letiû krest'ânskoj tragedii // Otečestvennaâ istoriâ. 2004. № 5.

Dèvis R. — Danilov V.: dialog istorikov // Istoriâ SSSR. 1990. № 2.

*Hlevnûk O.V.* Hozâin. Stalin i utverždenie stalinskoj diktatury. M., 2010.

*Il'inyh V.A.* Hroniki hlebnogo fronta. Hlebozagotovitel'nye kampanii 1920-h gg. v Sibiri. M., 2010.

Istoriâ Vsesoûznoj Kommunističeskoj partii (bol'ševikov). Kratkij kurs. M., 1938.

*Kim M., Golikov G.* Nekotorye voprosy razrabotki istorii sovetskogo obŝestva // Kommunist. 1954. № 5.

*Kraev M.A.* Pobeda kolhoznogo stroâ v SSSR. M., 1954.

*Kuznecov I.A.* Političeskaâ kul'tura krest'ânstva i političeskij režim v SSSR v 1920–1930-e gg. // Gosudarstvennaâ vlast' i krest'ânstvo v XIX — načale XXI veka. Kolomna, 2013.

*Merl' Š.* Vzglâd s Zapada na sovetskuû istoriografiû kollektivizacii sel'skogo hozâjstva // Rossiâ v XX veke: Sud'by istoričeskoj nauki. M., 1996.

*Miloserdov V.V., Miloserdov K.V.* Agrarnoe razvitie Rossii — XX vek. M., 2002.

*Ovsânikov G.* Moskovskie bol'ševiki v bor'be za kollektivizaciû sel'skogo hozâjstva (1930–1934 gg.). M., 1949.

Politika raskrest'ânivaniâ v Sibiri. Vyp. 1. Ètapy i metody likvidacii krest'ânskogo hozâjstva. 1930–1940 gg. Novosibirsk, 2000.

*Selunskaâ V.M.* O kandidatskih dissertaciâh po istorii kollektivizacii sel'skogo hozâjstva v SSSR // Voprosy istorii. 1956. № 11.

*Smirnov M.S.* Bor'ba partii Lenina–Stalina za podgotovku massovogo kolhoznogo dviženiâ. M., 1952.

*Stalin I.*V. Sočineniâ. M., 1949–1953. T. 11–13.

Tretij vsesoûznyj s'ezd kolhoznikov. 25–27 noâbrâ 1969 goda. Stenografičeskij otčet. M., 1970.

**Список литературы**

*Абрамов Б.* Партия большевиков — организатор борьбы за ликвидацию кулачества как класса. М., 1952.

*Данилов В.П.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 3–30.

*Данилов В.П.* К проблеме альтернатив 20-х годов // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 2. М., 2011. С. 724–741.

*Данилов В.П.* 20-е: нэп и борьба альтернатив // Историки спорят. Тринадцать бесед. М., 1988. С. 122–137.

*Данилов В.П., Висенс Х.* О некоторых недостатках в работах по истории массового колхозного движения в СССР // Вопросы истории. 1954. № 1. С. 137–145.

*Данилов В.П., Зеленин И.Е.* Организованный голод. К 70-летию крестьянской трагедии // Отечественная история. 2004. № 5. С. 97–111.

*Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта. Хлебозаготовительные кампании 1920-х гг. в Сибири. М., 2010.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938.

*Ким М., Голиков Г.* Некоторые вопросы разработки истории советского общества // Коммунист. 1954. № 5. С. 46–59.

*Краев М.А.* Победа колхозного строя в СССР. М., 1954.

*Кузнецов И.А.* Политическая культура крестьянства и политический режим в СССР в 1920–1930-е гг. // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века. Коломна, 2013. С. 480–484.

*Мерль Ш.* Взгляд с Запада на советскую историографию коллективизации сельского хозяйства // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 373–387.

*Милосердов В.В., Милосердов К.В.* Аграрное развитие России — XX век. М., 2002.

*Овсяников Г.* Московские большевики в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934 гг.). М., 1949.

Политика раскрестьянивания в Сибири. Вып. 1. Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. Новосибирск, 2000.

Р. Дэвис — В. Данилов: диалог историков // История СССР. 1990. № 2.С. 90–95.

*Селунская В.М.* О кандидатских диссертациях по истории коллективизации сельского хозяйства в СССР // Вопросы истории. 1956. № 11. С. 195–201.

*Смирнов М.С.* Борьба партии Ленина–Сталина за подготовку массового колхозного движения. М., 1952.

*Сталин И.В.* Сочинения. М., 1949–1953. Т. 11–13.

Третий всесоюзный съезд колхозников. 25–27 ноября 1969 года. Стенографический отчет. М., 1970.

*Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.